

ПОЛЕВАЯ ДИСЦИПЛИНА КОННОЙ ЧАСТИ И ВОЙСКЪ ВООБЩЕ ¹⁾

(30-тилѣтнія наблюденія).

Офицеръ, знающій только уставныя команды, не интересующійся полевой службою, не понимающій ея, ибо изучалъ онъ все самымъ неинтереснымъ способомъ, а именно теоретически, приноситъ при обученіи нижнихъ чиновъ этому дѣлу весьма мало пользы, а въ первый годъ даже никакой. Ему не достаетъ обыкновенно умѣнія придать занятію интересъ, ему не достаетъ извѣстной изобрѣтательности, если можно такъ выразиться, а безъ этихъ качествъ нельзя увлечь своихъ учениковъ. Мы, къ несчастію, придаемъ преувеличенное значеніе *сгемкамъ, задачамъ, балламъ, программамъ*, составленію *расписаній* и веденію *журналовъ занятій*, а также составленію *отчетовъ* (которые, въ большинствѣ случаевъ, никѣмъ не просматриваются или же просматриваются однимъ изъ младшихъ штабныхъ чиновъ, который и составляетъ нерѣдко проектъ замѣчаній по поводу занятій). Мы любимъ *экзамены* ²⁾ *вычерчиваніе плановъ* и вообще бумажное дѣло; мы слишкомъ надѣемся и даже цѣликомъ уповаемъ на *школы, учебныя команды, классы, курсы* и т. д. Забывается при этомъ совершенно, что ни-

¹⁾ См. «Воен. Сб.» №№ 7, 8 и 9.

²⁾ Я знаю людей, получившихъ 10 и больше балловъ за русскій языкъ въ бытность въ учебныхъ заведеніяхъ на экзаменахъ, но не могущихъ написать десяти строчекъ сносно; зналъ и такихъ, которые получили высокіе баллы по французскому или нѣмецкому языкамъ на экзаменахъ, но не понимали на этихъ языкахъ буквально ни слова. Система экзаменовъ не служитъ способомъ провѣрки полученныхъ учащимися знаній. Усиленная подготовка, „натаскиваніе“ къ экзаменамъ не дають ни прочныхъ знаній, ни возможности опредѣлить солидности подготовки.

какія школы, академіи, университеты не могутъ «научить практикѣ», а бумажный контроль учить сочинять и развращаетъ. Воспитываетъ человѣка и «научаетъ», строго говоря, только живое дѣло, практика, фактическая работа подъ руководствомъ знатока дѣла, упорный трудъ, борющійся съ препятствіями, вообще жизнь въ соотвѣтствующей обстановкѣ. Она одна можетъ создать, при наличности способностей и нѣкотораго образовательнаго фундамента, мастеровъ своего дѣла, она одна способствуетъ проявленію творчества, изысканію новыхъ путей въ извѣстной отрасли знанія, выдвигаетъ таланты, развиваетъ инициативу и вырабатываетъ наилучшихъ наставниковъ для практической дѣятельности; школы же, какого бы наименованія онѣ ни были, всякіе экзамены и баллы, являются лишь вспомогательнымъ, но далеко не главнымъ, а еще меньше радикальнымъ, для этого средством³⁾; они развиваютъ, кромѣ того, очень часто склонность къ «канцеляризму» и теоріи, а подчасъ и къ карьеризму. Боевой опытъ уже важнѣе, но и тутъ надо быть осторожнымъ, не увлекаясь и этимъ и не считая каждаго участника войны «eo ipso» наставникомъ и воспитателемъ солдата (отъ карьеризма и война не въ состояніи застраховать армію). «Мулъ Евгенія Савойскаго, несмотря на то, что совершилъ съ нимъ всѣ походы, сказалъ Фридрихъ Великій, не сдѣлался полководцемъ», а я бы еще прибавилъ: «врядъ-ли и учителемъ и воспитателемъ солдата»!

Выше были изложены условія, при которыхъ полевая служба могла въ нѣкоторыхъ частяхъ наладиться какъ-то лучше; въ началѣ же замѣтки затронуть въ общихъ чертахъ и вопросъ о причинахъ, тормозящихъ дѣло; теперь же мы намѣрены добавить еще нѣсколько словъ по этому поводу. Повторяемъ снова, что одной изъ главныхъ причинъ является то, что мы, начальники, сами ставимъ гарнизонную службу, строевые учения, смотровую рубку «прутиковъ» и специально приготовленной для этого «глинки», выше полевого дѣла, отводя послѣднему, такъ сказать, четвертое или пятое мѣсто. Мы сами относимся къ этой службѣ съ меньшимъ усердіемъ, меньшимъ увлеченіемъ, чѣмъ къ остальному. Она далеко не всегда вызываетъ въ насъ радостное настроеніе; наоборотъ, я знаю многихъ начальниковъ, на которыхъ эти упражненія подвѣдомственныхъ

³⁾ Тѣмъ не менѣе желательно было бы поднять уровень образованія нашего офицерства, ибо не только въ арміи, но и въ гвардіи, можно найти массу офицеровъ съ низкимъ военнымъ образованіемъ. Вообще, можно сказать, что нашимъ образованнымъ теоретикамъ не достаетъ практики, а многимъ нашимъ практикамъ не достаетъ общаго и военнаго образованія, широкаго кругозора и начитанности, безъ чего офицеръ легко превращается въ простаго, такъ сказать, ремесленника.

имъ частей дѣйствовали раздражающимъ образомъ, и никто не могъ имъ угодить, «поймать», такъ сказать, задуманный ими по шаблону, исходъ дѣла или рѣшеніе задачи. Между тѣмъ, гарнизонная служба, строевые учения, «смотровое рѣзаніе прутиковъ», т. е. рубка и многое другое приходилось имъ больше по вкусу и вызывало прекрасное расположеніе духа. Масса пожилыхъ лицъ, напримѣръ, считаетъ тѣ неудобства и лишенія, которыя неизбѣжно сопутствуютъ полевымъ занятіямъ и ихъ повѣркѣ, очередной повинностью, «неизбѣжною служебною неприятностью», и потому даже наилучшіе результаты рѣдко вызываютъ одобреніе. Среди молодежи полевая служба тоже не особенно популярна, можетъ быть, вслѣдствіе неумѣнья сдѣлать ее интересной. Молодые офицеры смотрятъ на нее нерѣдко, какъ на моціонъ себѣ и своимъ лошадямъ; иной изъ нихъ пользуется этими занятіями для пріученія къ фронту молодыхъ, а то скаковыхъ или стронтивыхъ лошадей, что несравненно легче, чѣмъ во время выдержаннаго строевого учения, гдѣ за каждый лишній прыжокъ коня послѣдуетъ замѣчаніе. Есть люди, которые готовы мириться со всей неприятностью этихъ занятій, лишь бы не отставали обозы, а въ особенности буфетъ, и, при такомъ взглядѣ на дѣло, полевое упражненіе, являясь, главнымъ образомъ, «лѣтнимъ увеселеніемъ», заканчивается иногда пикникомъ съ трубачами, пѣсенниками, фейерверками, танцами съ дачницами или пріѣзжающими даже нарочно на бивакъ полковыми дамами и барышнями. Отчего же и не поплясать съ представительницами прекраснаго пола послѣ серьезной и плодотворной полевой работы? Ничего дурного въ этомъ нельзя усмотрѣть. Но въ томъ-то и дѣло, что того серьезнаго отношенія къ дѣлу, какое мы видимъ на строевомъ ученіи или же при исполненіи караульной службы, нѣтъ въ полевомъ дѣлѣ, всѣ стараются облегчить, упростить себѣ дѣло, сдѣлавъ его возможно болѣе пріятнымъ и «отбывъ все-таки номеръ». Добавимъ еще, что постоянныя отмѣны и перемѣны отданныхъ словесныхъ и письменныхъ распоряженій подрываютъ довѣріе подчиненныхъ къ начальству и являются тоже признакомъ недостатка у войсковой части или въ штабѣ отряда полевой дисциплины. Проникнутый наилучшими желаніями добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей и рассказывающій обстановку маневра всѣмъ людямъ, эскадронный или ротный командиръ становится весьма скоро апатиченъ и бросаетъ это, сознавая, что все равно въ послѣднюю минуту, какъ всегда, будетъ еще перемѣна, которую онъ

не успѣть всѣмъ передать: своими разказами онъ только обиваетъ людей съ толку и подрываетъ собственный авторитетъ. Не надо забывать, что распоряженія о перемѣнѣ часа выступленія или начала маневра запаздываютъ, доходятъ до мелкихъ частей, когда уже половина дѣла сдѣлана по первоначальному приказанію: часть стала уже на аванпосты или ушла за 5—6 верстъ; наконецъ, посѣдлала, снялась съ бивака, уложила обозъ и т. д. Всякая перемѣна, даже облегчающая дѣло (болѣе поздній часъ выступленія, сокращеніе наряда, уменьшеніе разстоянія и т. д.), порождаетъ новыя осложненія, обуславливаетъ лишнюю гонку, возвращеніе высланныхъ уже по другимъ дорогамъ и направленіямъ частей или обозовъ и не облегчаетъ, а усложняетъ работу, сильно утомляя войска. Несправедливостью можно считать и то, что вась сплоснь и рядомъ ставятъ бивакомъ, по распоряженію штаба отряда, на какой-нибудь лужокъ или на рожь, мѣнять мѣста вы не имѣете права, а черезъ мѣсяцъ вамъ же строжайше предписываютъ уплатить за потопку, и апелляція нѣтъ никакой.

Припоминаю еще одинъ случай недостаточнаго уясненія сути полевой дисциплины:

Лѣтъ 10 тому назадъ во время маневровъ было приказано послать въ распоряженіе какой-то охотничьей или телеграфной команды 12-ть кавалеристовъ. По прїѣздѣ на мѣсто, ихъ спѣшили, оставили при обозѣ, а на коней сѣли офицеры и нижніе чины этой команды и уѣхали. Кто и какъ убиралъ и кормилъ этихъ лошадей, неизвѣстно, но фактъ тотъ, что ихъ вернули въ полкъ послѣ 5—6 дней въ отчаянномъ видѣ. Лошади были страшно худыя, всѣ до единой набитыя; большинство потеряло по подковѣ, а изъ сѣдельныхъ выюковъ пропала часть ружейныхъ принадлежностей, щетки и кое-какія собственныя солдатскія вещи. Одна лошадь сильно хромала, а одна пропала совсѣмъ, ибо вырвалась у неумѣющаго обращаться съ нею солдата на какомъ-то привалѣ и убѣжала. Нашли ее лишь черезъ двѣ недѣли безъ сѣдла и совершенно изнуренной. Такіе и тому подобные случаи повторялись неоднократно. Не прощали, если нужны лошади для чьей-либо ѣзды, требовать ихъ съ отдѣльными конными вѣстовыми, которые будутъ ихъ убирать, кормить, поить и отвѣчать за нихъ. Давать же кому бы то ни было безъ себя въ полное распоряженіе своего коня кавалеристъ не имѣетъ права (подлежитъ за это отдачѣ подъ судъ), какъ не имѣетъ права отдать своего ружья часовой, которымъ по отношенію къ своему коню является въ данномъ случаѣ всякій кавалеристъ.

Огромною полевой ошибкою является перебрасываніе конныхъ да и всякихъ частей съ одного фланга на другой. Оно, несмотря на провѣренный недавно кровавый опытъ, давшій лишь отрицательныя въ этомъ отношеніи данныя, не прекращается на мирныхъ маневрахъ. Такимъ же недостаткомъ въ полевомъ дѣлѣ надо считать потерю передовыми частями конницы соприкосновенія съ противникомъ, что § 242 «Наставленія для веденія занятій въ кавалеріи», по непонятному редакціонному недоразумѣнію, какъ бы узаконяетъ.

«Аномалією» надо считать также наши «квитанціи о благополучномъ квартированіи». Еще недавно мы были болѣе надежною и почти единственною охраною населенія и мѣстныхъ властей; мы считались блюстителями порядка, и никому не приходило въ голову говорить о квитанціяхъ. Нынѣ тотъ же сельскій обыватель, который, благодаря намъ, не дрожалъ за свою жизнь и за свое имущество, тѣ же волостныя правленія, которыя мы охраняли отъ погромовъ, должны выдавать намъ свидѣтельства о томъ, что мы ихъ не ограбили, не обобрали, что не производили никакихъ насилій и довольствовались своимъ попеченіемъ, а не реквизиціями, какъ какіе-нибудь ландскнехты! Толкуйте потомъ солдату о почетности его званія и т. д. У нашихъ сосѣдей, наоборотъ, часть выдаетъ квитанцію владѣльцу двора или мызы въ томъ, что ей отвели приличный ночлеги, снабдили соломой, дровами и т. д.

«Полевою неопытностью» можно смѣло считать и столь часто наблюдаемую привычку войскъ занимать на походѣ всю ширину дороги, вмѣсто того, чтобы оставлять правую ея сторону свободною для движенія встрѣчныхъ или обгоняющихъ колонну ординарцевъ, начальниковъ, наконецъ, и частныхъ лицъ. Несоблюденіе этого является причиною запаздыванія донесеній, приказаній, а сношенія мѣстныхъ жителей между собой и вся провинціальная жизнь почти что прекращается совершенно во время маневровъ. Германскій военный писатель покойный ген. Пеле-Нарбонъ ставилъ эту дурную привычку въ упрекъ французской арміи, утверждая, что у нихъ, въ Германіи, ротнаго или эскадроннаго командира, люди котораго расплзлись бы по всей ширинѣ дороги, отрѣшили бы моментально отъ командованія. Французы приняты, повидимому, такой о нихъ отзывъ близко къ сердцу, ибо полковникъ Гедке свидѣтельствуется, что нынѣ у нихъ правая сторона оставляется всегда свободною для проѣзда. Не мѣшало бы и намъ обратиться на это вниманіе, ибо начальство и посредники относятся къ этому «военному пороку» у насъ весьма снисходительно, и я,

за мою 30-ти лѣтнюю службу, рѣдко слышалъ или читалъ порицанія и замѣчанія по поводу этой дурной привычки многихъ частей. И въ городахъ, исключая развѣ одного Петербурга, колонны занимаютъ всегда всю ширину дороги или улицы; протиснуться везущему спѣшный пакетъ нижнему чину нѣтъ никакой возможности; мѣсто даютъ развѣ только корпусному командиру или начальнику дивизіи.

Не могу въ заключеніе не упомянуть, что наши нижніе чины очень любятъ всѣ полевые упражненія и маневры. Въ комфорта они не нуждаются, спать, не раздѣваясь, не имѣть возможности помыться, причесаться, какъ слѣдуетъ—это ихъ ничуть не стѣсняетъ. Поля, лѣса, дуга, напоминаютъ имъ деревню, дѣтство; столь противныхъ солдату казарменныхъ стѣсненій и нарядовъ нѣтъ, подметанія и уборокъ помѣщеній, а также «ненавистной словесности» не существуетъ, и они чувствуютъ себя прекрасно. Нижній чинъ, который, пока производились строевые ученія, тянулся, соблюдалъ посадку, равнялся, держалъ дистанцію, видѣлъ въ строе какое то святое дѣло, попавъ на маневрахъ въ отдѣлъ одинъ или съ дозоромъ, начинаетъ распускаться. Никто ему слова не скажетъ, если лошадь его послѣ утренней послѣшней уборки плохо зачищена, если сѣдло положено слишкомъ впередъ; не получатъ онъ замѣчанія и за то, что задняя подпруга подалась вплотную къ передней и что обѣ онѣ сильно ослабли. Самъ онъ, сдвинувъ фуражку на затылокъ, садится въ сѣдло свободно, «бочкомъ», не прочь, ради собственнаго удобства, бросать по временамъ стремена на шагъ и болтать ногами (результатомъ всего этого можетъ явиться набивка)⁴). Если онъ выѣхалъ, не вычистивъ сапоги или мѣдныхъ частей конскаго снаряженія, а то безъ шпоры, которую вчера потерялъ, или забылъ доложить о пропавшемъ ночью темлякѣ, то все это, вѣроятно, сойдетъ, при домашней же казарменной обстановкѣ, передъ выводомъ смѣны или взвода для ученія, за все это досталось бы ему, вѣроятно, и отъ взводнаго, и отъ вахмистра, и отъ младшаго офицера, и отъ командира эскадрона, а

⁴) Необходимость приученія конской спины къ носкѣ съ ранней весны понаго вьюка не сознается въ нашей конницѣ—мы ѣдимъ до самыхъ маневровъ съ учебною сѣдловою, а на маневрахъ наши люди и кони, непривыкшіе къ полному вьюку, набиваютъ и набиваются. Набивки—это страшный недугъ всякой конницы. Борьба съ нимъ трудная; но у насъ существуетъ весьма наивный способъ борьбы съ этимъ бичемъ: собираютъ свѣдѣнія у самихъ частей о набитыхъ ею же коняхъ! Неужели, полагаютъ, что такимъ свѣдѣніямъ можно вѣрить? Кто же останется самъ на себя доносить, не стараясь скрыть, уменьшить, вознечество набитыхъ или натертыхъ спиной, однимъ словомъ, сгладить недоросшее впечатлѣніе?

какой-нибудь старый строевикъ командиръ эскадрона перевернулся бы въ гробу, если бы могъ это увидѣть; здѣсь же сама обстановка какъ бы узаконяетъ халатность. И мы сами выѣзаемъ безъ перчатокъ, накидываемъ на себя неформенныя бурки; приходится видѣть выѣхавшаго безъ мундштучной цѣпки и т. д. Вернувшись послѣ доставки кому-нибудь пакета, а то, не разыскавъ лица, кому онъ адресованъ, посланный станетъ иной разъ прямо въ строй, а то ляжетъ спать, не считая (тамъ, гдѣ это дѣло не налажено) нужнымъ явиться своему взводному; а, если бы онъ это и сдѣлалъ, то молодой, неопытный взводный не доложитъ сейчасъ же по командѣ, въ особенности, если посыльный возвращается ночью, а обождетъ удобнаго случая или утра. Сколько разъ я убѣждался въ томъ, что эскадроны на походѣ не твердо знали, кто вернулся послѣ исполненнаго порученія, кто отсутствуетъ, какое порученіе исполнено, а какое нѣтъ и т. д. Обо всемъ этомъ узнается либо случайно, либо на другой день, а то, когда изъ-за недоставленной бумаги подымутъ «наверху» бучу. Не вездѣ проведено требованіе, чтобы въ полевой обстановкѣ каждый возвращающійся нижній чинъ являлся прямо своему эскадронному командиру.

Масса подобныхъ мелочей, требующихъ практики, опытности, способности учителей, любви къ полевому дѣлу, зоркаго глаза ближайшаго начальства, большого упорства, и даетъ то, что я назвалъ полевой дисциплиною конной части, эти мелкіе промахи сходятъ въ большинствѣ случаевъ совершенно безнаказанно, а какой-нибудь запоздалый вызовъ караула, малѣйшая, чисто формальная ошибка при смѣнѣ его или несоблюденіе правилъ лагерной службы, влекутъ за собою строгія наказанія и кладутъ пятно на часть, чинамъ которой не удастся смыть его, хотя бы самую добросовѣстною подготовкою настоящихъ развѣдчиковъ и идеальнымъ несеніемъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ полевой службы, за которую какъ будто и не принято благодарить. Поэтому очевидно, что поглощаетъ время неболевая работа, а на «полевыхъ мелочахъ», хотя бы и существенныхъ, не обращаютъ достаточнаго вниманія. Многія изъ перечисленныхъ мною въ этой замѣткѣ полевыхъ требованій, да хотя бы необходимость упомянутой выше явки возвращающагося на маневрахъ посыльнаго прямо командиру эскадрона, слѣдовало бы изложить въ наставленіи для веденія въ кавалеріи занятій.

Со всѣмъ этимъ приходится бороться, очевидно, не намъ однимъ, а, судя по появляющимся въ заграничной печати замѣт-

камъ, и многимъ западно-европейскимъ арміямъ. Онѣ имѣютъ извѣстныя преимущества передъ нами: лучшія климатическія условія, большую культурность и почти поголовную грамотность призываемыхъ подъ знамена, притомъ великолѣпный кадръ долгосрочныхъ унтеръ-офицеровъ. Но за то тамъ есть и серьезные отрицательныя данныя, усложняющія офицеру въ высшей степени дѣло полевого воспитанія: огромная масса фабричнаго люда и ничтожный, въ сравненіи съ нашимъ, процентъ наилучшаго элемента, т. е. хлѣбопашцевъ; еще болѣе короткіе сроки службы, чѣмъ у насъ, и весьма обширная упорная пропаганда, въ успѣхъ которой у насъ тамъ, гдѣ офицеры дѣлаютъ свое дѣло и гдѣ унтеръ-офицеры мало-мальски надежны, я не вѣрю и никогда не вѣрилъ. Одиочные прискорбные случаи, которые были у насъ, такъ сказать, вспышки, ничего еще не доказываютъ; развѣ только то, что ближайшее начальство зѣвало и что объ унтеръ-офицерскомъ вопросѣ надо, во избѣжаніе повторенія прискорбныхъ случаевъ, подумать серьезно, не ограничиваясь полумѣрами, въ родѣ института подрапорщиковъ.

Въ общемъ же работа нашего офицера можетъ быть физически нѣсколько утомительнѣе, чѣмъ на Западѣ, вслѣдствіе неразвитости нашего простолюдина и отсутствія у насъ надежныхъ унтеръ-офицеровъ, но она вмѣстѣ съ тѣмъ и легче, ибо нашъ солдатъ податливѣе, не разсуждаетъ, не подвергаетъ бесѣды офицера критической оцѣнкѣ, какъ это имѣетъ мѣсто за границею, полевой смѣтки у нашего простолюдина гораздо больше, чѣмъ тамъ, такъ какъ $\frac{3}{4}$ нашего контингента выросло въ лѣсахъ, степяхъ. Въ большинствѣ заграничныхъ армій короткіе до-нельзя сроки службы обращаютъ войска въ милиціонныя полчища; антимиитаризмъ и подпольная пропаганда довершаютъ дѣло; нашъ же людской матеріалъ превосходный и не зараженъ, слава Богу, социалистическими идеями (единичные экземпляры могли попадаться, конечно, но и то зараженіе бывало лишь поверхностное). Общая масса набожна, предана Царю и Отечеству, и изъ нея можно выработать дѣльныхъ бойцовъ. Но наша «полевая педагогика» слабѣе, чѣмъ западная, и упорства у насъ мало. За образцами, однако, недалеко ходить и у насъ. О представителяхъ «русской солдатской педагогики вообще» упомянуто было раньше; прототипомъ же полевой работы кавалеріи можно считать «конниковъ» Фигнера, Чернышева, Платова, Денисова,

Давыдова и другихъ, которые дѣйствовали отлично, истощивъ наполеоновскую армію совершенно. У нихъ вѣдь не было ни школъ, ни учебныхъ командъ, ни академій; не было ни съеомокъ, ни рельефныхъ плановъ или ящичковъ съ пескомъ; они врядъ-ли имѣли понятіе о циркулѣ, компасѣ, масштабѣ, горизонталяхъ или штрихахъ; у нихъ была лишь *вѣра въ себя, любовь къ родинѣ и огромная полевая практика*, которая надо развивать насколько это возможно и въ мирное время.

При желаніи можно сдѣлать очень много. Но надо или сократить или выкинуть кое-что изъ перечисленнаго выше, прощаясь и съ лыжнымъ спортомъ, и со лдатскими спектаклями, вообще со всѣмъ «небоевымъ дѣломъ», котораго у вышеупомянутыхъ «конниковъ» не было: оттого то они и могли предаваться цѣлкомъ полю. Выводите не только развѣдчиковъ, но всѣ безъ исключенія смѣны и, главнымъ образомъ, молодыхъ солдатъ, хотя бы черезъ день или два, въ поле на мѣстность, практикуйте такіе выѣзды отъ поры до времени и ночью со всѣми смѣнами, и онѣ станутъ неузнаваемы. Потомъ уже переходите въ классъ. Кончайте дѣло теоріей, но не начинайте съ нея, памятуя, что имѣете дѣло съ малограмотнымъ хлѣбопашцемъ, а не съ кандидатомъ правъ! Побольше реализма, въ этомъ для обыкновеннаго рядового довольно таки простомъ и чисто практическомъ дѣлѣ. Поменьше схоластики и метафизики, и дѣло пойдетъ, не можетъ не пойти; да и идетъ оно, слава Богу, тамъ, гдѣ слѣдуютъ этому правилу, прекрасно, а, глядя на работу такой части, можно, какъ уже упомянуто въ началѣ замѣтки, только любоваться. Гдѣ, наоборотъ, увлекаются теоріей, занятіями на ящичкахъ съ пескомъ и рельефныхъ планахъ, гдѣ толкуютъ безпрестанно о циркулѣ, компасѣ, масштабѣ, горизонталяхъ и штрихахъ, знакомя людей съ ориентировкою по звѣздамъ въ комнатѣ, тамъ на маневрахъ результаты плохіе. Теорія умѣстна лишь тогда, когда ремесло изучено практически и практика развила въ ученикѣ способность наблюдать, умѣніе отдавать себѣ отчетъ о происходящемъ на его глазахъ.

«Всѣ кнопки, стички, кубики, кружочки, ящички съ пескомъ, съ игрушечными домами и разноцвѣтными шерстинками, обозначающими дороги, рѣки, надо выбросить вонъ и, забывъ о нихъ, ѣздить и ѣздить безъ конца на мѣстности!» говоритъ авторъ помѣщенной въ «Вѣстникѣ Конницы» 1909 г. № 11 статьи, озаглавленной: *«Кое-что на старую тему»*. Надо признать, что онъ со-

вершено правъ, а небольшая его статейка очень интересна. Такихъ бы статей побольше; все описываемое пережито, перечувствовано—это такъ сказать, «le cri du coeur» кавалериста-практика, а не кабинетное сочиненіе. Вотъ, что мы прочли еще по этому поводу въ весьма поучительной и крайне интересной другой статьѣ автора, напрасно подписавшагося въ «Русск. Инв.» 1910 г., № 107 псевдонимомъ «Скучный». «Нашъ солдатъ, по преимуществу сельскій житель, очень туго на работу воображенія; онъ съ большимъ трудомъ доходитъ до представленія себѣ истинной мѣстности и уясненія обстановки по плану, хотя бы даже рельефному, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно легко и вѣрно ориентуруется и приспосабливается на самой мѣстности; онъ съ дѣтства сроднился съ полемъ и чувствуетъ себя тамъ, какъ дома». И въ этихъ словахъ звучитъ сущая правда, глубокое знакомство съ солдатомъ, чего не достаетъ такъ часто теоретикамъ.

Къ такому же приблизительно заключенію приходитъ талантливый заграничный кавалерійскій писатель г. Ольтенау въ своемъ фантастическомъ разсказѣ «Черный гусарь», напечатанномъ въ № 1 за 1910 г. Австрійскаго журнала «Kavalleristische Monatshefte». И онъ возстаетъ противъ излишка теоріи и черченія плановъ, книжнаго и бумажнаго дѣла, непомѣрнаго различія чернилъ, грома тамъ же карусельную ѣзду, цирковую дрессировку, конкуры, вообще состязанія отборныхъ ѣздоковъ и ратуя за рациональную манежную работу одиночнаго ѣздока и систематическую, постепенную, практическую полевую работу не только цѣлыхъ частей, но смѣнь и каждого нижняго чина въ отдѣльности.

Фигнеръ, Чернышевъ, Платовъ, Давыдовъ, Денисовъ и наше казачество середины прошлаго столѣтія взяты были преобразователемъ германской кавалеріи Розенбергомъ за образецъ. Онъ позаимствовалъ у нихъ много, подбавивъ, правда, еще больше изъ скакового и англійскаго охотничьяго спорта, перенесъ позаимствованное въ свое отечество и приспособилъ его, такъ сказать, къ регулярному дѣлу. Надо полагать, что намъ тѣмъ легче перенять кое-что у нашихъ природныхъ воиновъ, хотя бы: способность и подготовленность каждого казака къ стрѣльбѣ и одиночнымъ порученіямъ, дѣйствіямъ; умѣніе его ориентироваться на мѣстности (безъ компаса и карты), пробираться черезъ чащу или бодото; владѣніе лошадыю въ одиночку и приученіе коня стоять на привязи спокойно (лошадь регулярнаго кавалериста будетъ ржать, пор-

ветъ, пожалуй, чумбуръ и удереть въ этихъ условіяхъ). А между тѣмъ у насъ замѣчается иногда обратная тенденція: нѣкоторые начальники стараются слишкомъ «обрегулярить» казаковъ, заставляя ихъ ходить даже манежнымъ галопомъ и пренебрегая природными особенностями этого войска, вмѣсто того, чтобы культивировать ихъ, прививать эти природныя качества, хотя бы до извѣстной степени, регулярному кавалеристу и уже во всякомъ случаѣ не уничтожать того, что выработано вѣковой практикою этого боевого сословія и создало его славу. Чувство страха, внушаемое со времени 12-го года прошлаго столѣтія всему Западу нашимъ казачествомъ, не исчезло до сихъ поръ, несмотря на то, что наши второочередные полки не достигли реальныхъ результатовъ въ Манчжуріи. Всѣ знаютъ, что тутъ виноваты: исключительный театр военныхъ дѣйствій и неумѣлое употребленіе конницы, а потому нельзя по этой кампаніи дѣлать заключенія о достоинствѣ казаковъ вообще; они, а въ особенности ихъ первоочередные полки, сохранили свои качества; встрѣча съ ними будетъ и впредь опасною, въ особенности, если во главѣ ихъ будетъ стоять талантливое лицо.

Возвращаясь къ воспитанію регулярнаго всадника, упомянемъ еще, что конная муштра можетъ быть и противна нашему нижнему чину, но онъ сознаетъ по необходимости серьезность ея, а на полевое дѣло, гдѣ очень рѣдко и развѣ за очень крупную провинность «попадаетъ», онъ смотритъ, спустя рукава, любуясь на маневрахъ роцами, рѣками, лѣсами, вообще природою, дышетъ, катаясь верхомъ, полною грудью, но не вырабатываетъ въ себѣ въ достаточной мѣрѣ полевой дисциплины. Отсутствіемъ таковой надо считать и то, когда люди, вмѣсто толковой развѣдки, гоняются за непріятельскими развѣздами, занимаются ловлей и заборомъ ихъ въ плѣнъ, хватаютъ офицерскую лошадь за поводья и т. д.

Добавлю еще одно важное упущеніе, а именно: людямъ не растолковываютъ значенія «бѣлой повязки», ея неприкосновенности, такъ сказать, святости. Сколько разъ я былъ свидѣтелемъ того, что повозки посредниковъ задерживались, арестовывались войсками, рапорты младшихъ посредниковъ старшему, отправляемые съ людьми, у которыхъ была бѣлая повязка на рукавѣ, захватывались развѣздами противной стороны. Рапортъ передавался по начальству, пропадалъ безслѣдно, и не только нижніе чины забавлялись этимъ дѣ-

ломъ, но и офицеры относились къ этому довольно безучастно: ихъ эта «мирная лихость» подчиненныхъ имъ людей, какъ будто забавляла. Тутъ бы надо строго карать, не останавливаясь и передъ отчисленіемъ командира эскадрона, не умѣющаго привить своимъ людямъ уваженія къ бѣлой повязкѣ, отъ должности. Это вѣрнѣйшій признакъ отсутствія полевой дисциплины. Если не обращать на это вниманія, то сколько бы посредниковъ ни назначать (а ихъ теперь назначаютъ очень много), должной пользы отъ маневровъ не будетъ. Это незнаніе нижними чинами правилъ, встрѣчаемое и понынѣ еще, можно сравнить съ тѣмъ, что случалось лѣтъ двадцать тому назадъ, когда обозные нижніе чины и подводчики рѣзали проволоку военного телеграфа, обматывая ею тюки или связывая попорченные части телѣгъ. Безпощадная строгость въ случаяхъ неуваженія къ бѣлой повязкѣ была бы болѣе, чѣмъ умѣстной.

Для того, чтобы поставить передовую конницу въ условія, наиболѣе подходящія къ обстоятельствамъ военного времени, необходимо придавать каждому развѣдывательному эскадрону и даже всякому развѣзду посредника, что не всегда соблюдается. Но этого мало. Надо, чтобы этотъ посредникъ былъ чиномъ старше того начальника, котораго онъ сопровождаетъ и непремѣнно другой части, являясь нейтральнымъ, безпристрастнымъ и вполне независимымъ въ своихъ рѣшеніяхъ лицомъ. И это далеко не всегда соблюдается. При недостаткѣ офицеровъ, одинъ изъ младшихъ участниковъ развѣдки надѣваетъ вдругъ (чтобы исполнить требованіе) бѣлую повязку и состоитъ *de facto* какъ бы въ подчиненіи у того, «кому онъ долженъ быть судьей» съ правами начальника. Это ненормально и порождаетъ массу недоразумѣній. Поэтому слѣдовало бы назначать посредниковъ поименно властью высшихъ начальниковъ, которые отдавали бы объ этомъ въ своихъ приказахъ.

Если принять во вниманіе все, о чемъ говорилось, а въ особенности то, что смѣнная ѣзда, производящаяся на сѣверѣ почти исключительно въ закрытыхъ манежахъ, продолжается около 8-ми мѣсяцевъ, а изъ остальныхъ около 3-хъ или 4-хъ посвящается строевымъ учениямъ; что устраиваемые зимніе пробѣги или маневры, а также дальнія поѣздки развѣдчиковъ даютъ мало одиночной конной полевой практики; что особаго періода обученія полевой службѣ, какъ за границу, у насъ не существуетъ; то неудивительнымъ покажется, что полевая опытность, полевая подготовка, полевая дисциплина, нашего кавалериста оставляютъ желать многого, и неискusstво его дѣйствій весьма понятно. Приходится даже удивляться, что за нѣ-

сколько полевыхъ упражненій цѣлыми эскадронами, такъ сказать, валовымъ порядкомъ, за нѣсколько переходовъ и какихъ-нибудь 12—14 дней маневровъ, онъ выучивается все же до нѣкоторой степени нести полевую службу болѣе или менѣе сносно, находить лицъ или части, къ которымъ его посылаютъ, ориентируя его иногда слабо и т. д. Это можетъ служить опять таки новымъ лишь подтвержденіемъ старой истины, а именно того, что нашъ солдатъ представляетъ изъ себя превосходный боевой матеріалъ, который въ умѣлыхъ рукахъ можетъ творить чудеса, а воспитываемый и предводительствуемый людьми, какъ Румянцевъ, Суворовъ, Скобелевъ и многіе другіе, поражалъ весь міръ своими дѣйствіями. Тѣмъ не менѣе надо сознаться, что «перекочевывая», такъ сказать, изъ манежа (открытаго или закрытаго—это въ данномъ случаѣ безразлично) весною прямо въ строй взвода или эскадрона и на занятія полевой службою, наши молодые солдаты и ремонтные кони дѣлаютъ неносильный скачекъ относительно постепеннаго, рациональнаго обученія ихъ своему дѣлу: по мѣстности они не ходили, владѣть конемъ въ одиночку молодой солдатъ не умѣетъ, ибо ѣздилъ лишь гусемъ и «каруселью», а въ наблюденіи за чѣмъ-нибудь и докладываніи о замѣчаемомъ его не упражняли; никакихъ словесныхъ приказаній онъ не передавалъ и не исполнялъ вообще никакихъ порученій, а ночью въ полѣ не ѣздилъ. У него не было никакой практики, а отъ теоретическихъ свѣдѣній въ головѣ получился порядочный сумбуръ. Можетъ ли при такихъ условіяхъ идти успѣшно обученіе полевой службѣ? Можетъ ли принести пользу зимній маневръ? Очевидно, нѣтъ. Всѣ молодые солдаты, т. е. больше половины «глазъ и ушей арміи», становятся ежегодно сразу въ обстановку, для нихъ совершенно новую и крайне трудную потому, что ни конь, ни всадникъ, не проходятъ никакого систематическаго подготовительнаго «одиночнаго полевого курса». Оттого то на маневрахъ работа этого превосходнаго боевого матеріала сплошь и рядомъ малопродуктивна. Въ послѣднее время стали много говорить и писать о производствѣ строевыхъ учений на мѣстности, но раньше этого необходимо выучить одиночнаго всадника и его коня ходить по этой мѣстности, а объ этомъ какъ-то *не говорятъ и не пишутъ*.

Расположенные на югѣ или западѣ имперіи кавалерійскія части находятся въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ остальные. Зимой тамъ можно дѣйствительно работать на мѣстности, а не только «дѣлать пробѣжки», отбывать номеръ; на сѣверѣ оконченѣвшія отъ холода руки и ноги дѣлаютъ очень часто настоящую полевую работу не-

возможною, а теплой одежды нѣтъ. Поэтому очевидно, что армейскія кавалерійскія части, которыя исполняютъ переходы въ сотни верстъ для участія на занятіяхъ въ общихъ лагерныхъ сборахъ съ пѣхотою и прохожденія курса стрѣльбы, которыя послѣ этого направляются въ удаленныя, опять-таки значительно, мѣста для участія въ специально-кавалерійскихъ сборахъ, а оттуда слѣдуютъ еще на большіе маневры или домой, проходя снова сотни верстъ (въ такихъ условіяхъ находится $\frac{3}{4}$ нашей армейской кавалеріи),—имѣютъ больше возможности напрактиковать людей и подготовить ихъ къ несенію полевой службы. Онѣ странствуютъ въ большинствѣ случаевъ съ 15-го апрѣля по 15-е октября по разнымъ и почти всегда новымъ мѣстамъ, а мягкій климатъ облегчаетъ обученіе.

Но не одинъ климатъ мѣшаетъ намъ дѣлать дѣло; помѣхъ, кромѣ него, масса. Въ Швеціи, Норвегіи, да и въ Восточной Пруссіи, климатическія условія хуже, чѣмъ въ половинѣ нашихъ кавалерійскихъ стоянокъ, а между тѣмъ тамъ занятія ведутся на воздухѣ и въ полѣ почти-что круглый годъ. У насъ же не придають и въ болѣе мягкомъ климатѣ подобающаго значенія полевой выработкѣ кавалериста, а это уже прямо грѣхъ; полевая дисциплина не вошла и тамъ, гдѣ конница зимою не воспитывается столь «парниковымъ способомъ» въ манежахъ и экзерсицгаузахъ, какъ на сѣверѣ, въ плоть и кровь, хотя прогрессъ, по сравненію съ тѣмъ, что было 15—20 лѣтъ тому назадъ, въ общемъ, вездѣ большой. Выкроить необходимое для работы на мѣстности время не такъ уже трудно; и подходящее мѣсто можно въ большинствѣ случаевъ, при желаніи, найти по близости стоянки. Больше чѣмъ $\frac{3}{4}$ нашей конницы можетъ, какъ упомянуто уже, ѣздить внѣ дорогъ почти-что круглый годъ, и лишь на сѣверѣ, при неимѣніи полшубковъ, это нѣсколько труднѣе. Но и тамъ осенью, когда люди и лошади около 5—6 недѣль почти ничего не дѣлаютъ, можно найти время для 25—30 полевыхъ со смѣнами конныхъ уроковъ; зимою по снѣгу легко при небольшомъ морозѣ выкроить столько же, по крайней мѣрѣ, а десятокъ или вдвое больше выѣздовъ со смѣнами на мѣстность можно сдѣлать еще и весною. Этого было бы вполне достаточно.

Однако, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ или западѣ, не обращаютъ еще достаточно вниманія на полевую ѣзду; кое-гдѣ увлекаются зимними маневрами съ необученнымъ ѣздѣ на мѣстности составомъ, не обращая при одиночномъ обученіи вниманія на развитіе самостоятельнаго мышленія кавалериста и на мелочи, о которыхъ говорилось и совокупность конхъ составляетъ то, что на-

звано мною *полевою дисциплиною*. Выводя молодого солдата, «начиненнаго одной теоріей», сразу на зимніе маневры, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, мы дѣлаемъ большую ошибку, ибо у него тогда все перепутывается въ головѣ. Когда ихъ было въ строю немного, то это не отзывалось такъ вредно на общемъ дѣлѣ, но, когда молодые солдаты, какъ теперь, составляютъ половину части, то это ведетъ къ путаницѣ и хаосу.

Если бы ѣзду одиночнаго всадника на мѣстности потребовали съ насъ серьезно, фактически, а не на словахъ, причѣмъ задавали бы себѣ трудъ провѣрять ее основательно во время весеннихъ смотровъ; если бы тамъ, гдѣ 5—6 лошадей эскадрона не отходить отъ фронта, грозило отчисленіе командира его отъ должности: то одиночная полевая ѣзда, а съ нею и развѣдка, процвѣтали бы у насъ на славу, ибо нашъ-то именно конь и всадникъ способнѣе къ этому дѣлу, чѣмъ гдѣ бы то ни было на Западѣ. Войсковую часть можно приравнять въ этомъ отношеніи къ магазину, запасящемуся тѣми товарами, которые нужны потребителю. Но спроса на полевую элементарную школу нѣтъ; если станете заниматься полевымъ дѣломъ, никто этого не оцѣнитъ и не скажетъ вамъ за это спасибо; рутинна держится все еще крѣпко; рядомъ съ нею царитъ «дилетантизмъ въ строевомъ дѣлѣ»: а потому полевая дисциплина никакъ не можетъ проникнуть въ кавалерійскій организмъ черезъ его поры, которыя закрываютъ какъ бы искусственно. Зубрежъ въ классѣ, черченіе плановъ, расписанія занятій и письменные отчеты о послѣднихъ, ѣзда гусемъ, выученныя сначала пѣшкомъ карусельныя фигуры⁵⁾, да курцгалонъ и рубка на этомъ аллюрѣ, съ вычисленіемъ процентовъ ложнаго успѣха, затѣмъ «*протъдки и поъздки куртомъ*», иначе говоря «*культура табунаго микроба*» и «*выдѣлка безпомощныхъ въ полѣ солдатъ-манекеновъ*»—дальше этого зимою и весною большинство частей не идетъ (если не считать какого-нибудь конкур-ипшикъ, или пробѣга, на которомъ фигурируетъ нѣсколько отборныхъ коней и людей). И это потому, что смотровая программа сама дальше этого не идетъ.

Потомъ производятъ строевыя ученія и полевымъ дѣломъ некогда заниматься; лѣтомъ на 3-хъ, 4-хъ специальныхъ стороже-

⁵⁾ ѣзда, согласно пр. по кав. 1887 г. № 15, не сходитъ съ программы весеннихъ смотровъ. Съ такимъ же правомъ можно бы проповѣдывать и стрѣльбу по наставленію того времени; вернуться, пожалуй, къ карабину и Крнку; Послѣ 25 лѣтъ, вышеупомянутый приказъ (вызванный въ жизнь заучиваніе фигуръ сначала пѣшкомъ), является совершенно устарѣлымъ, точно также какъ наставленія и ружья эпохи восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія.

жевыхъ занятіяхъ тоже многому не научишь, а, такъ какъ они дѣлаются въ составѣ цѣлыхъ эскадроновъ, то вышколить одиночнаго всадника и его коня немислимо, и этою цѣлью никто тамъ и не задается. Только во время маневровъ и начинается «полевая наука», но тамъ поздно учить коня и всадника. Болѣе способные люди, болѣе добронравныя лошади изъ старыхъ уцѣлѣвшихъ, наловчуются въ полевомъ дѣлѣ «съ грѣхомъ пополамъ», созрѣваютъ самі къ концу службы; общая же масса оставляетъ желать въ этомъ отношеніи многого: нужна элементарная полевая школа, а ея то и нѣтъ у насъ! При желаніи могла бы, однако, народиться и совершенствоваться безъ особеннаго труда.

Мастеръ—артистъ добраго стараго времени—обучалъ своихъ учениковъ не гуртомъ, а въ одиночку, имѣлъ въ большинствѣ случаевъ лишь нѣсколько учениковъ; онъ готовилъ изъ нихъ мастеровъ своего дѣла не въ классѣ, ставя баллы, не на квартирѣ, не на фабрикѣ, съ вычисленіемъ процентовъ успѣха, а практически въ своей мастерской; наша мастерская—это мѣстность, на ней и надо практиковать одиночнаго всадника, дабы изъ него вышелъ «мастеръ полевого дѣла»!

Желательно также больше однообразія во взглядахъ на полевую службу, необходима доктрина, а то въ одной части проповѣдываютъ необходимость смѣны развѣдывательныхъ частей, въ другой твердятъ, что развѣздъ или развѣдывательный эскадронъ, вошедшій въ соприкосновеніе съ противникомъ, «несмѣняемъ», какъ несмѣняема цѣпь стрѣлковъ, завязавшая бой; она должна какъ бы раствориться въ поддержкахъ, которыя въ нее вливаютъ, и растаявъ въ нихъ, исчезнуть съ лица земли, погибнуть, если надо, но отнюдь не рассчитывать на смѣну или замѣну, ибо это задерживаетъ стремленіе впередъ, не учить рассчитывать на собственные силы, развивая склонность къ исполненію половины работы и «оглядѣ назадъ». Въ одномъ полку здороваются съ людьми на маневрахъ, въ другомъ—это воспрещается. Въ нѣкоторыхъ округахъ дѣлаютъ зимніе маневры, считаютъ ихъ необходимыми; въ другихъ, расположенныхъ южнѣе и обладающихъ лучшимъ климатомъ, они признаются вредными и воспрещены. И тутъ видно отсутствіе доктрины. Въ нѣкоторыхъ округахъ конница занимается усердно плаваніемъ, переправами, гелиографированіемъ и конносапернымъ дѣломъ; въ другихъ кавалеристы слабѣе подготовлены по этой части.

Перечисленное здѣсь является только частью фактическаго, тщательно провѣреннаго, матеріала, который я собиралъ въ течение моей, больше чѣмъ 30-ти-лѣтней, строевой службы и 25-ти-лѣтней литературной дѣятельности, наблюдая не только въ своемъ когда-то эскадронѣ и въ 2-хъ полкахъ, которыми командовалъ, за ходомъ полевой службы, но присматриваясь къ этому дѣлу вообще въ различныхъ полкахъ, дивизіяхъ и округахъ, главнымъ образомъ, когда приходилось быть посредникомъ, да отчасти и заграницею, и внося по временамъ лишь болѣе существенное въ мой дневникъ. Кое-что я подчеркиваю, повторяю неоднократно, потому, что, какъ ни простымъ оно кажется, его постоянно забываютъ. Распространяться обо всемъ, что попадалось мнѣ на глаза или о чемъ слышалъ, читалъ или бесѣдовалъ, заняло бы нѣсколько томовъ, и чтеніе могло бы надоесть. Поэтому я ограничиваюсь лишь разборомъ наиболѣе важнаго, подчеркивая его, повторяя, да и то, какъ видитъ читатель, матеріала набралось много. Трудъ мой не претендуетъ на безошибочность, и, если обладающіе большимъ, чѣмъ я, строевымъ опытомъ (но именно строевымъ) укажутъ мнѣ на промахи и заблужденія, то такіа замѣчанія будутъ приняты съ благодарностью.

Само собою разумѣется, что въ военное время явится нѣкоторое послабленіе по отношенію къ требованіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь; оно неизбежно тамъ, гдѣ голодъ, холодъ или невыносимая жара, а то отсутствіе сна и вообще переутомленіе составляютъ обычное явленіе. Вотъ почему надо въ мирное время добиваться: *«усиленной мѣры въ постановкѣ требованій, вырабатывающихъ полевую дисциплину»*, дабы она вошла въ кровь и плоть войсковыхъ частей и штабовъ, которые иногда смотрятъ на дѣло такъ, какъ будто не они существуютъ для войскъ, а войска для нихъ. Когда требованія, создающія полевую дисциплину, будутъ исполняемы разумно каждымъ отдѣльнымъ нижнимъ чиномъ, то, при неизбежномъ въ военное время пониженіи этихъ требованій, уменьшенная ихъ мѣра не окажетъ вреда на дѣло.

Кончая эту работу, постараюсь резюмировать наиболѣе существенное изъ обсуждаемаго въ ней и выскажу его въ нѣсколькихъ словахъ:

1) Не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ проповѣдывать необходимости рѣзкой и коренной ломки всей нашей системы производства занятій, памятуя, что ломка безъ разбора стараго, привычнаго, опасное дѣло. И въ старомъ есть много свѣтлаго, обдуманнаго.

но давно забытаго, а потому до новаго, современнаго, надо доходить исподволь, выбрасывая лишь то за бортъ, что совершенно непригодно въ наше время. Слѣное подражаніе Западу давало тоже сплошь и рядомъ отрицательные результаты, а внимательное изученіе своихъ собственныхъ образцовъ и своей старины, отличавшейся меньшею шаткостью взглядовъ, бывало нерѣдко очень плодотворнымъ, если изученное примѣняли разумно и сообразно нарождающимся новымъ условіямъ боя и войны. Но слѣдить неуклонно за работою сосѣдей и перенимать у нихъ все хорошее надо, конечно. Велосипеды и мотоциклетки для сопровожденія развѣздовъ, широкое примѣненіе свѣтовой сигнализациі при развѣдкѣ (гелиографы, лампы и т. д.), облегченные аппараты беспроволочнаго телеграфированія, придаваемые развѣдывательнымъ частямъ, обильныя средства для устройства конницей мостовъ, вообще переправы и т. д.: все это заслуживаетъ вниманія и достойно подражанія; оно ускоряетъ развѣдку, сберегаетъ людей, лошадей, увеличивая боеспособность конницы, и пренебрегать опытомъ нельзя. Нельзя также стѣснять высланный впередъ конный отрядъ, связывая ему руки назначеніемъ часовъ выступленія, мѣстъ ночлеговъ, приваловъ: ему надо сообщить лишь цѣль высылки его (задачу); всѣ же подробности исполненія предоставить ему, давъ полную свободу дѣйствій.

2) Надо остерегаться умаленія, по причинѣ сокращенія сроковъ службы, значенія парадной муштры. Она выправляла, воспитывала, подбадривала солдата вездѣ и всюду во всѣ времена, не мѣшая, а способствуя побѣдамъ и завоеваніямъ. Выправка болѣе необходима въ наше время короткихъ сроковъ службы, чѣмъ когда-либо. Нужно придавать людямъ такое количество выправки, чтобы, когда въ запасѣ 90% ея испарится, оставалась все-таки «достаточная порція» этой выправки въ день призыва подъ знамена изъ запаса, когда некогда ею заниматься наново, а предстоитъ обученіе болѣе важному и серьезному.

3) Необходимо сохранить «выдержанную манежную ѣзду», отнести къ ней даже гораздо строже, чѣмъ это имѣетъ мѣсто, но надо придать ей, по случаю короткаго срока службы, вполне одиночный характеръ, избѣгая валового, огульнаго обученія въ смѣнѣ; надо вырабатывать одиночнаго ѣздока, пригоднаго для полевой службы, не ограничиваясь манежною ѣздою, заниматься и полевой, *не считая, однако, какъ часто бываетъ, проѣздки вытянутой по три смѣны или взвода по дорогѣ полевой ѣздою.*

4) Надо ограничить комнатныя занятія и теоретическое обученіе солдата вообще, а особенно теорію развѣдки до минимума; надо избѣгать «зубрежа наизусть», замѣняя «томительную словесность», занятія по картамъ, планамъ и на ящикахъ съ пескомъ, разумными краткими офицерскими бесѣдами и обученіемъ показомъ на мѣстности какъ можно чаще. При этомъ надо добиваться, чтобы люди задавали офицеру безбоязненно вопросы и просили разъясненія того, что имъ непонятно.

5) Нужно готовить молодого солдата съ перваго дня прибытія его въ полкъ для одиночныхъ порученій и, кромѣ того, заставлять его съ того же дня наблюдать ежедневно и по нѣсколько разъ въ день что-нибудь, слѣдить за чѣмъ-нибудь, разыскивать кого-нибудь или что-нибудь и упражнять его въ немедленномъ докладѣ о видѣнномъ, найденномъ; но докладъ долженъ отличаться простымъ языкомъ, вырабатывающимъ самостоятельность мышленія.

Надлежитъ продѣлывать все сказанное, начиная со второй недѣли, *не только тѣшкомъ, но и верхомъ*, практикуя выѣзды на мѣстность не рѣже, какъ черезъ день. На мѣстность надо выводить также смѣны молодыхъ лошадей; выѣзжать со смѣнами на мѣстность и ночью.

7) Необходимо провѣрять указанное въ пунктахъ 5-мъ и 6-мъ на весеннихъ смотрахъ, не ограничиваясь во время производства ихъ ѣздою гусемъ, карусельными фигурами и рубкою, не удовлетворяясь зазубренными отвѣтами и рѣшеніемъ задачъ на планахъ, при полномъ игнорированіи «живого дѣла» и фактической полевой работы, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ.

8) Слѣдуетъ требовать больше галопированія во время смѣнной ѣзды зимою и весною (около 7—8 минутъ), добиваясь, *чтобы люди на большомъ галопѣ не били безпощадно съдалицемъ по конской спинѣ*; лѣтомъ же и осенью надо беречь кавалерію больше, чѣмъ это дѣлается.

9) Нужно отказаться отъ строгихъ отгѣнковъ по тѣлу и дѣленія эскадроновъ на *отличные, очень хорошіе, хорошіе, удовлетворительные, или объявлять въ приказахъ о числѣ коней, найденныхъ худыми*, и т. д., такъ какъ это удерживаетъ конницу отъ серьезной полевой работы. Современный кавалеристъ тотъ, кто требуетъ *известный минимумъ тѣла*, а за излишекъ порицаетъ; отгѣнки же дѣлаетъ между частями не по тѣламъ, а по работѣ, по полевымъ достоинствамъ, по количеству и качеству присылаемыхъ донесеній, по тому, какъ ходитъ и повинуется каждая, взятая на

выборъ, лошадь, въ одиночку и т. д. Необходимо помнить, что это есть признакъ регулярной и умѣлой работы, а каждый лишній золотникъ подкожного жира—это лишній день покоя въ зимнее время, лишній день бездѣйствія на маневрахъ, это лишній случай неудачной развѣдки или запоздалаго донесенія и искусственнаго приготовления безпомощныхъ въ полѣ людей, однимъ словомъ, добровольное накладываніе себѣ самому повязки на глаза.

10) Надлежитъ упразднить травяной періодъ, распредѣляя недостатокъ овса на прочіе мѣсяцы года, какъ это сдѣлали, впредь до отмѣны травяного довольствія въ законодательномъ порядкѣ, многіе кавалерійскіе полки.

Исполненіе указаннаго въ этихъ десяти пунктахъ облегчитъ значительно выработку полевой дисциплины. Все упоминаемое знаетъ каждый кавалеристъ, каждый военный. Многіе придерживаются по мѣрѣ возможности этихъ правилъ, и дѣло у нихъ подвигается замѣтно впередъ, но *пооловнаго требованія въ этомъ отношеніи, а тѣмъ болѣе фактической повѣрки этого дѣла, почти что нѣтъ.*

Если бы вдобавокъ увеличить штатъ сверхсрочныхъ, отмѣнить недостигающія, какъ доказывалось, цѣли полевыхъ поѣздки съ развѣдчиками, упразднить совсѣмъ травяной мѣсяць, *поднять значеніе строя и строевой опытности*, заняться серьезно полевой службою въ военныхъ и юнкерскихъ училищахъ, проходя ее тамъ практически, и воспретить входящія все больше и больше во всѣхъ полкахъ, дивизіяхъ, корпусахъ, въ привычку отмѣны и перемѣны ученій, маневренныхъ и другихъ распоряженій, то полевая дисциплина поднялась бы значительно.

Ж. Свольфъ.

